

УДК 811.133.1 (075.8)

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: afin-zn@mail.ru,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

FOREIGN LANGUAGE IN EVERYDAY COMMUNICATION

Z. N. Afinskaya

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
e-mail: afin-zn@mail.ru,
Moscow State University M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

Abstract. Culture more than language present in the form of communicating vessels: the constant everyday communication provides, seemingly, a great opportunity to establish lasting contacts. The purpose of this article is to examine the value of bilingualism in the process of formation of personal culture. The research is based on the novel by A. Makine's "Le testament français".

Keywords: communication; native language; foreign language; French linguistic culture; culture.

Изучение влияния иностранного языка в условиях двуязычия на речевую деятельность личности и ее культуру становится одним из активно развивающихся направлений лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, В. П. Белянин, В. И. Карасик и др.) Недостаточно изучена эта тематика в ракурсе проблем повседневности. Интерес к обыденности возник вследствие осмысления этой темы в философии (М. Вебер, Э. Гуссерль), лингвокультурологии (М. Бахтин) и языкознании (М. Волошинов) и не

снижает своей актуальности (Н. Lefebre, М. Maffessoli, М. Serto). В мировосприятии современного общества и коммуникации произошла, говоря словами французского социолога Маффессоли, «победа настоящего времени» [8]. То, что считалось низменным, обыденным в противовес возвышенному, престижному и исключительному стало привлекать внимание философов, культурологов и лингвистов, так как фокусировало внимание на существовании обычного человека в

многокультурной среде [7]. «*Общение житейское*, – писал В. Н. Волошинов, – чрезвычайно содержательно и важно... оно соприкасается со сферами различных оформившихся и специализированных идеологий» [4, с. 21]. Б. Вальденфельс, полагает, что «оповседневнивание» означает превращение неизвестного, чуждого, непонятного, в том числе и запоминание новых слов и выражений в «свое», «привычное», «понятное» [3]. Повседневное в обыденном сознании может ассоциироваться как с рутинной, банальностью событий и быта, так и с незаурядными поступками и обстоятельствами. «Человек как «нефиксированное» животное существует не только в порядке повседневности, – полагает Б. Вальденфельс, – а как бы на пороге между обыденным и необычным, которые соотносятся друг с другом как передний и задний планы, как лицевая и обратная стороны» [3] употребление индивидуумом нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с определённой коммуникативной ситуацией.

Соединение в одной языковой личности обычного (родного языка) и необычного (иностранный язык и культуры) потенциально грозит возникновением сложных психологических ситуаций. Естественный билингвизм возникает, как утверждает Белянин В. П., «в соответствующем языковом окружении... и благодаря широкой речевой практике» [2], существующей в семье, где один из ее членов, оказывающий наиболее сильное воспитательное влияние на детей, является ино-

странцем. Роман «Французское завещание» («*Le testament français*») Андрея Макина [9] – в значительной мере произведение автобиографическое – будет интересовать нас в поисках ответа на вопрос: разные языки в ежедневном общении создают или разрушают чувство психологического комфорта, свойственного обыденности?

Общение с бабушкой-француженкой постепенно формировало мировосприятие мальчика, от имени которого ведется повествование. Она невольно приучила внука смотреть на мир «французскими глазами», внеся ноту «необычного» в его существование, которое он назовет позже жизнью «между двух миров» («*Car c'est elle qui m'avait transmise cette sensibilité française – la sienne, me condamnant à vivre dans un pénible entre-deux-monde... La greffe française que je croyais atrophiée scindait la réalité en deux*» [9, с. 249].

Семья рассказчика проживала где-то в русской глубинке, в одном из приволжских городов, его речи, любимые шутки? Все это не получило освещения в повествовании. В романе нет ни одного обращения к внукам по имени или родители говорили на русском, он учился в обычной школе, общался со своими сверстниками на русском языке, но он не ощущал его как родной. Ему хотелось верить, что *бабушкин язык* ему роднее, так как именно французский язык (*наш язык*, как он говорил, т. е. его и бабушки) помогал ему осмыслить окружающий мир. Взгляд на окружающий мир с разных точек зрения, сквозь призму

двух языковых картин мира формировал особенное мировосприятие. Он узнавал о всех ключевых моментах советской истории сквозь призму французского менталитета: «*Oui, cette greffe, le français. Je voyais la Russie en français !*» [9, с. 56–57]. Политическая история советского периода – большевистские расстрелы и ГУЛАГ, сталинские чистки, Отечественная война... – сконцентрировалась в жизни одной личности – его бабушки: «*Cette jeune Française avait l'avantage de concentrer dans son existence les moments cruciaux de l'histoire de notre pays*» [9, с. 128].

Язык бабушки, ее мировосприятие и повседневное общение с ней оказали сильное влияние на мальчика. В его глазах она казалась неким справедливым и добрым божеством – «une sorte de divinité juste et bienveillante, toujours égale à elle-même et d'une sérénité parfaite» [9, с. 21]. Как некое божество, она говорила всегда невозмутимо, никогда не повышая голос: «*Et toujours sur ce ton neutre, toujours en français...*» [9, с. 26].

Однако рассказы-воспоминания бабушки кажутся выспренними и неестественными, оторванными от быта, к личной жизни неожиданно примешивается хроника о жизни президента Франции: «*Même le Président en était réduit aux repas froids !*» [9, с. 30] Рассказ бабушки о наводнении в Париже сродни поточно-отчетному отчету или заметке из газеты: «*C'était en hiver 1910. La Seine s'était transformée en une vraie mer. Les Parisiens naviguaient en barque. Les rues ressemblaient à des rivières,*

les places – à de grands lacs. Et ce qui m'étonnait le plus, c'était le silence» [9, с. 28].

Конфронтация между обычной жизнью и ежедневными земными заботами в маленьком городке на Волге, с одной стороны, и «высоким стилем» жизни президента Франции, о котором мальчик узнает из французских газет, из рубрик светской хроники, нарушала привычное мировосприятие. Обыденное «говорило» разными языками и стилями.

События, отраженные во французской прессе начала XX века, сплелись в фантазиях подростка в странный клубок воспоминаний под названием Атлантида – мифическую страну, созданную из чужих воспоминаний и собственных фантазий: «*Notre langue! C'était donc cela la clef de notre Atlantide!..*» [9, с. 56] Мир, созданный воображением на основе чужих воспоминаний, нереален как мифический материк: «*C'était mon illusion française qui me brouillait la vue, telle une ivresse*» [8, с. 250].

Он оказался, с одной стороны, в мире литературы, вымышленном, составленном из чужих воспоминаний, а с другой, – в реальности с ее *властной повседневностью*. Как бабушка говорила о повседневных заботах, какие были у нее обычные обороты с другими ласковыми прозвищами. Те редкие реплики, которые выдаются автором за прямую речь, относятся к таковой лишь формально, не приводится ни одного примера прямого обращения к внукам с будничными, житейскими проблемами. Местоимение *вы*

(vous) выражает в них значение множественного числа и звучит достаточно холодно и отстраненно: «Parmi les pierres que vous avez jetées, il y en avait une que j'aimerais bien pouvoir retrouver» [9, с. 26].

По мере взросления мальчик понимает, что он существует в двух мирах – в повседневной русской реальности и в вымышленной «Атлантиде». Он начинает осознавать, что *бабушкин* французский – это чужой язык, иностранный: «... mais bien plus fort que ce flottement momentané, fut cette révélation foudroyante: j'étais entrain de parler une langue étrangère!» [9, с. 270]. Он понимает, что его общение с бабушкой происходит на нормированном литературном коде, на котором не говорят, а пишут: «Après en tlefrançais devenait un outil dont, en parlant, je mesurais la portée. Oui, un instrument indépendant de moi... Cette langue-outil maniée, affûtée, perfectionnée, me disais-je, n'était rien d'autre que l'écriture littéraire» [9, с. 271].

Комфорт бабушкиного мира, изолированного от реальности иностранным языком, был нарушен, когда подросток стал осознавать значение реального мира и искать свое место в нем. Комфорт повседневности, даже отчасти вымышленной, был нарушен. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова по поводу «Французского завещания» А. Макина, «герой романа ощущает все больше неудобств от двойного видения мира, от раздвоения личности, от постоянного своеобразного конфликта языков внутри одной культуры» [6, с. 82–83]. Мальчик

осознает свою оторванность от реального, обыденного мира, так как «бабушкин» язык влечет за собой другую культуру, другую картину мира.

Таким образом, обнаруживается, что личное восприятие жизни полностью обесценивается, когда повседневность хотят поднять до ранга высокого стиля, до официальной хроники. Обыденный мир создается не только материальными, но и духовными ценностями, среди которых родной язык и стиль повседневного общения занимают далеко не последнее место, создавая ауру психологического комфорта. Отношение к жизни, характерное для русского и французского менталитетов отличается довольно сильно – «во французской культуре приоритетным является соблюдение правил приятного общения, превращение общения в тонкое искусство и источник удовольствия...; в русской лингвокультуре приоритетно искреннее поведение...» [5, с. 333] Между тем, как показывают исследования, «заимствование из одной культуры в другую некоторого культурного явления оказывается возможным лишь на уровне рефлексивного слоя сознания (то знание, которое осознается), бытийный же образ сознания заимствованию не поддается». Обыденность многогранна. Сформировавшийся в культуре-реципиенте образ сознания будет обречен на ущербность и длительное «врастание» в культуру, в результате которого в культуре-реципиенте будет сформирован свой бытийный слой сознания, отличающийся от бытийного слоя со-

знания культуры-донора, да и рефлексивный слой вряд ли будет скопирован полностью» [1, с. 157–158]. Справедливость этих тезисов лингвокультуролога иллюстрируется примерами из литературы, хотя, разумеется, неправомерно было бы полностью отождествлять реальную жизнь с ее отражением в художественной литературе.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 2-е изд.– М., 2010.
2. Белянин В. П. Психолингвистика. 2005. Эл. ресурс.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. – М., 1991.
4. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л., 1928.
5. Грабарова Э. В. Концепт «Savoir vivre» – «Умение жить» / Иная ментальность / В. И. Карасик и др. – М., 2005. – 333 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2004.
7. Lefebvre H. La vie quotidienne dans le monde moderne. – Paris, 1974.
8. Maffessoli M. La conquête du présent. Pour une sociologie de la vie quotidienne. – Paris, 1998.
9. Makine A. Le testament français. – Paris, 1995.

Bibliografickij spisok

1. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologija: cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka: uceb. posobie. 2-e izd.– M., 2010.
2. Beljanin V. P. Psiholingvistika. 2005. Jel. resurs.
3. Val'denfel's B. Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' racional'nosti. – M., 1991.
4. Voloshinov V. N. Marksizm i filosofija jazyka: osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke. – L., 1928.
5. Grabarova Je. V. Koncept «Savoir vivre» – «Umenie zhit'» / Inaja mental'nost' / V. I. Karasik i dr. – M., 2005. – 333 s.
6. Ter-Minasova S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. – M., 2004.
7. Lefebre H. La vie quotidienne dans le monde moderne. – Paris, 1974.
8. Maffessoli M. La conquête du présent. Pour une sociologie de la vie quotidienne. – Paris, 1998.
9. Makine A. Le testament français. – Paris, 1995.

© Афинская З. Н., 2018.